

ИСТОРИЯ

УДК 930 (44)

СОЗДАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В.В.Андреев

THE ANCIENT RUSSIAN STATE FORMATION IN WORKS OF FRENCH HISTORIANS OF THE
SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

V.V.Andreev

Гуманитарный институт НовГУ, v.v.andreev@gmail.com

Статья посвящена взглядам французских историков второй половины XVIII в. Пьера-Шарля Левека и Николя-Габриеля Леклерка на вопросы зарождения древнерусской государственности, призвания варягов и личности князя Рюрика. Рассматриваемые вопросы помещены в контекст отечественной и французской историографии, а также общего восприятия зарубежными авторами русской истории, что позволяет по-новому взглянуть на исследуемые сюжеты. Труды этих историков практически не фигурируют в отечественной историографии в силу того, что не были переведены на русский язык. Автор статьи ставит перед собой цель познакомить читателя с наследием французских историков, в течение долгого времени живших в России.

Ключевые слова: *французская историография, призвание варягов, образование древнерусского государства, Рюрик, Левек, Леклерк, IX в., XVIII в.*

This article is focused on the views of French historians of the second half of the 18th century Pierre-Charles Levesque and Nicolas-Gabriel Leclerc on the problems of the Ancient Russian State formation, Invitation of the Varangians and personality of Prince Rurik. The cases in point are placed in the context of Russian and French historiography and foreign authors' general perception of Russian history that gives a new view on the studied subjects. The works of these historians hardly featured in Russian historiography due to the fact that they had not been translated into Russian. The author aims to acquaint the reader with the heritage of these French historians who lived in Russia for a long time.

Keywords: *French historiography, Invitation of the Varangians, Ancient Russian State formation, Rurik, Levesque, Leclerc, 9th century, 18th century*

Начиная с середины XVIII века, сочинения, посвященные вопросам русской истории, становятся заметным явлением во французской научной литературе и публицистике. Именно в то время значительно увеличилось число посетивших Россию французов, что связано с постепенно возрастающим политическим, экономическим и культурным взаимодействием между Россией и Францией, что привело к установлению более тесных и постоянных связей между странами.

Отнюдь не случайно интерес европейцев к прошлому России совпал с началом публикации источников по русской истории Г.Ф.Миллером и Н.И.Новиковым, а также русских летописей. В 1780-е гг. во Франции почти одновременно появились две многотомные «Истории России». Их авторами были П.-Ш.Левек и Н.-Г.Леклерк. Обе «Истории» пользовались широкой известностью в России, а труд Лек-

лерка вызвал развёрнутую критику одного из родоначальников русской исторической науки И.Н.Болтина.

Первым обобщающим трудом по истории России стало сочинение Пьера-Шарля Левека (*Pierre-Charles Levesque*). На рубеже XVIII—XIX вв., до выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина в русских дворянских семьях историю отечества изучали преимущественно по сочинению Левека. Будущий историк родился в 1736 г. в буржуазной семье. По профессии он был гравёром. Известность Левеку принесли литературные и философские сочинения, благодаря которым на него обратил внимание Дидро. Летом 1773 г. по рекомендации философа Левек прибыл в Россию. Здесь он преподавал французский язык и логику в Сухопутном шляхетском корпусе, в Академии художеств (в 1774—1775 гг.) — историю и географию. В 1780 г. Левек напечатал «Проспект» своего труда по русской исто-

рии, в котором изложил основные тезисы и план своего сочинения. В 1782 г. вышла в свет его пятитомная «История России», куда вошли также очерки о происхождении славян, древнерусском языке, религии славян, которые в дальнейшем использовали в своих сочинениях многие зарубежные учёные.

Практически одновременно с выходом в свет труда П.-Ш.Левека появилось сочинение другого долго жившего в России француза — Николя-Габриеля Леклерка (*Nicolas-Gabriel Le Clerc*), при рождении — Клерка, родившегося в 1726 г. на востоке Франции в небольшом городке Бом-ле-Дам. В начале Семилетней войны был лекарем во французской армии. В Париже он входил в круг энциклопедистов, был близок к Дени Дидро и по его рекомендации в конце 1759 г. приехал в Петербург. Леклерк приобрёл известность как автор нравоучительных литературных произведений, издатель и историк. В России он стал профессором Академии художеств (1763 г.) и почётным членом Академии наук (1765 г.). После возвращения в Париж в августе 1775 г. король Людовик XVI пожаловал ему дворянское достоинство (тогда он и добавил к своей фамилии частицу «Ле»). В 1783 г. он опубликовал «Историю России», состоящую из шести объёмистых томов, три из которых посвящены древней истории России (до Петра Великого), остальные — современному для автора XVIII века.

Французские историки второй половины XVIII в. — Левек и Леклерк — уделили серьёзное внимание вопросу о создании древнерусского государства, который наряду с проблемой происхождения славян всегда оставался краеугольным камнем как в отечественной исторической науке, так и для иностранных учёных, писавших об истории России, и был неотъемлемо связан с призванием варягов. Вполне логичным выглядит то, что вопрос о собственном рождении и отрочестве появляется у государства с необходимостью политизации собственного прошлого. Как справедливо заметил М.П.Алпатов, «варяжский вопрос возник отнюдь не в вакууме — он был порождён идейно-политическими условиями, сложившимися в России XVIII в. [1].

Историография исследуемого вопроса невелика и представлена работой Д.Н.Шанского, в которой он кратко коснулся взглядов французских историков XVIII в. на вопрос о возникновении древнерусского государства в контексте общего видения истории Древней Руси во французской исторической науке [2]. Э.А.Ильиченко уделила внимание точке зрения Левека относительно политических процессов середины IX в. на территории Северо-Западной Руси.

Фактически этот ключевой для русской истории вопрос французскими авторами до Левека и Леклерка не рассматривался. Впрочем, и источники по древней истории России были недоступны французским историкам. Исключением здесь выступает лишь известное сочинение по востоковедению Жозефа Дегиня (*Joseph Deguignes*), который использовал Степенную книгу в качестве источника при написании своего труда. Примечательно, что Степенная книга здесь послужила источником не по истории Древней Руси, но по истории гуннов и тюрков [3].

Вопрос о зарождении древнерусского государства представлял собой интерес для французских историков XVIII в. не только как абстрактное знание, но и как повод для размышления об аналогичных процессах, происходивших на французской территории в эпоху раннего средневековья. Так, по своей сути обсуждение «варяжского» вопроса в России довольно схоже с дискуссией во французской историографии в первой половине XVIII в. о завоевании франками Галлии.

Основная дискуссия по этому важному с политической точки зрения вопросу развернулась между Анри де Буленвилье (*Henri de Boulainvilliers*) и Жаном-Батистом Дюбо (*Jean-Baptiste Dubos*). Проблема состояла в разных взглядах на сущность франкско-германских и галло-романских корней французской государственности. В 1727 г. Граф де Буленвилье в своём трехтомном труде «История древнего образа правления во Франции» выступил с теорией (позже названной «германистской»), что франкское завоевание галльских племён явилось причиной основания франкского государства. Ощущая в своих жилах франкскую кровь, он прямо заявлял о господских правах германских завоевателей. По его мнению, монархия и дворянство, которое также обладало властью по праву покорителя галльских племён, представляли собой две стороны «властного договора». Таким образом, Буленвилье полагал, что дворяне имели право влиять как на внутреннюю политику, так и на внешнюю. Подобное суждение было оппозиционным, поскольку входило вразрез с существовавшей в то время во Франции абсолютистско-монархической системой государственной власти [4]. Схожей позиции в отечественной историографии придерживался М.М.Щербатов, который в своих сочинениях не раз указывал на необходимость согласования монархом своих действий с аристократией.

Через семь лет после публикации труда Буленвилье аббат Жан-Батист Дюбо выдвинул противоположную, «романистскую», теорию, согласно которой французские короли есть прямые потомки римских императоров, а система государственной власти, основные институты и законодательная база достались Галлии от метрополии — Римской империи. Историк настаивал на мирном и добровольном характере приглашения франкских королей в качестве «покровителей и защитников» [5]. Таким образом, появление во Франции права сеньории и наследственного права Дюбо относил к X—XI вв., которые были следствием правления тиранических государей [6]. Во многом он идеализировал Галлию позднеримского периода, которую он рисовал развитым регионом, с высокой культурой и грамотными законами. Однако внутренние усобицы и анархия ослабили её, после чего галлы приняли решение позвать франков в качестве «судей и покровителей». Схожую картину мы далее увидим у Левека, где он с точностью повторяет мысль Дюбо в отношении новгородцев, обессиленных от нападений соседей и внутренних противоречий и добровольно призывающих варяжских князей как военную и судебную силу. Дюбо полагал, что никакого франкского завоевания не было и поэтому отрицал само

право дворянства на участие в управлении государством (во многом похожие мысли можно найти в сочинениях И.Н. Болтина, где он, оппонируя сначала Леклерку, а потом Щербатову, указывал на абсолютную монархию, как лучшую из форм правления, не требующую участия дворянства в принятии решений в управлении государством). Таким образом, труд Дюбо можно рассматривать как гимн абсолютной власти монарха, завещанной римскими государями франкским королям. Спор, начатый Буленвиле и Дюбо, позже продолжался во французской исторической науке на протяжении XVIII—XIX вв.

В России идея иностранного завоевания была интерпретирована несколько иначе. Представители российской историографии (М.М.Щербатов, И.Н.Болтин, Н.М.Карамзин, М.П.Погодин) и немецкий историк А.Л.Шлёцер полагали, что в России отсутствовали причины для народного волнения и революции, и поэтому призвание варягов было мирным и добровольным, а отсюда следовало, что народ сам инициировал и принял абсолютную власть над ним.

Уже упоминавшаяся диссертация Г.Ф.Миллера (*Gerhard Friedrich Müller*) стала своеобразной точкой в споре между «норманистами» и «антинорманистами». Немецкий учёный хорошо изучил русский язык и написал труд, который породил первую научную дискуссию в русской исторической науке между ним и М.В.Ломоносовым. В день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны 6 сентября 1749 г. Академия наук должна была провести торжественное заседание, на котором Миллер должен выступить с сообщением. Однако оно было перенесено на 26 ноября, и в этот день немецкий историк произнёс речь «Происхождение народа и имени российского» (*De origine gentis*). Основными положениями этого доклада стали следующие: опровержение, подобно Татищеву, связи между русской историей и библейскими преданиями; утверждение, что русский народ вынужден был переселиться с берегов Дуная на земли, изначально населённые финно-угорскими племенами; утверждение, что варяги и скандинавы — это синонимы названия одного народа, от которого русские получили свою государственность, правителей и название. Таким образом, Миллер опровергал Синопис, в котором сообщалось о славянском происхождении варягов и указал на тождественность понятий «Русь» и «варяги». Своим выступлением Миллер вызвал на себя огонь гневных оценок его труда, в первую очередь М.В.Ломоносова: «Миллер во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их (т.е. русских) многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом опустошили, и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили» [7].

Левек и Леклерк писали о призвании варягов уже после окончания дискуссии на эту тему между М.В.Ломоносовым и Г.Ф.Миллером. Конечно же, в общих чертах она была известна французским исто-

рикам, которые в течение долгого времени жили в России. Кроме того, труды Г.З.Байера, Г.Ф.Миллера, А.Л.Шлёцера, В.Н.Татищева, Ф.А.Эмина, М.М.Щербатова были в той или иной степени использованы при подготовке французских сочинений. Конечно же, и Левек, и Леклерк не могли не обратить внимания на отличия в описании одних и тех же событий русской истории, тем более, что они касаются самого её начала.

Сразу отметим, что французские историки разделяли государственность собственно «русскую» (Киев) и «славянскую» (Новгород). Именно с Новгородом связано призвание варягов и начало династии, которая управляла русскими землями практически семь с половиной столетий. О схожести количества источников по истории Киева и Новгорода Левек писал: «История Новгорода до девятого века известна не более киевской» [8, р. 77].

В настоящей статье мы будем ссылаться на два издания «Истории России» Левека (1782 г. и 1812 г.), поскольку первое имело серьёзные историографические последствия и спровоцировало дискуссию в русской исторической науке, а также является самым ранним вариантом сочинения французского историка; второе же стало последней публикацией, поправки в которую вносил сам французский историк [9]. При написании данной статьи была использована только первая часть сочинения Леклерка, в которой описываются события древней истории России [10].

Призвание варягов описывается Левеком в обоих изданиях в главе «Рюрик», но, если в варианте 1782 г. историк ограничился констатацией факта: «По просьбе новгородцев прибыли три варяжских брата со своими подданными. Эти князья звались Рюриком, Синеусом и Трувором (*Rourik, Cinaf et Trouvor*)» [8, р. 87] [9, р. 97], то двадцатью годами позже прибавил ещё четыре с половиной страницы текста, описывающего события предшествующие приглашению князей. Конечно, не зная средневековых северогерманских наречий, Левек (впрочем, как и Леклерк) не мог критически отнестись к этимологии имён Синеуса (в издании 1812 г. Левек исправил написание имени Синеуса с заглавной С на S (*Sinaff*)) и Трувора, которые дословно обозначают «семью и дружину» [9, р. 97].

Начиная описание событий середины IX в., Левек отмечал, ссылаясь на Миллера, что новгородцы на протяжении долгого времени не только управлялись самостоятельно, но и сделали своими данниками соседние народы, которые говорили на разных языках и не имели общей генеалогии [9, р. 93]. По всей видимости, французский историк здесь указывал на то, что различные финно-угорские и балтийские племена подчинялись славянскому военно-политическому союзу, столицей которого был Славенск. Существование этого города, по мнению Левека, доказывалось тем, что в XVIII в. место, где он располагался, называлось Старым Городищем (*Staroe Gorodisché*, на современных картах Великого Новгорода и его окрестностей это место называется «Городище»). Славенск, главный город славян, живших на территории Северо-Запада современной России, был дважды

опустошён войной и эпидемией (когда это произошло, Левек не сообщил), и в итоге жители его покинули. Однако позже (в середине V в.) они вернулись и основали город в четверти лье (примерно в 1100 м) от этого места, назвав его Новгородом («Новым Городом»), что доказывает «существование города, о котором мы только что говорили» [9, р. 94].

Переходя к описанию царивших в Новгороде порядков, Левек указывал на то, что географическое положение города делало его привлекательным для торговли, которая в свою очередь была врагом угнетения и другом свободы. Новгородцы торговали рабами, мехами, солёной, копчёной рыбой и другими продуктами, мёдом, воском и, возможно, солью. В обмен на это они получали вино, сукно и ткани [9, р. 94-95]. Леклерк немного расширил список завозимых византийцами товаров в Новгород, добавив сюда сушёные фрукты, конфитюр, рис; но если Левек говорил о торговле рабами в Новгороде, то Леклерк писал об этом более уклончиво и оставлял лишь возможность подобной коммерции [10, р. 84].

Левек сетовал на неизвестность ему частностей административного управления в Новгородской республике, но самое необходимое для нас знание состоит в том, что новгородцы управляли собой сами, получали дань с соседей, живших на территории от Литвы до Уральских гор (*Montagnes qui bornent la Sibérie*), от Белоозера и Ростовского озера (Непо) до Белого моря. Французский историк в качестве доказательства силы Новгорода и страха, который он наводил на соседей, привёл фразу: «Кто осмелится угрожать Богу и Великому Новгороду?» (*Qui oserait s'attaquer à Dieu et à Novgorod-la-Grande?* Эта фраза, приводимая Левеком, относится к более позднему времени, поскольку в описываемый период славяне, как и их соседи, были политеистичными, и сочинена она была, конечно же, самими новгородцами уже после принятия ими христианства в 989 г.).

Следуя этой логике, Левек указал на то, что крайне редко в мировой истории случалось так, чтобы народы, не находящиеся под чьим-либо гнетом, были мирными и кроткими. Ссылаясь на Нестора, он писал, что из-за междоусобиц и внутренних раздоров новгородцы ослабли и превратились в данников варягов [9, р. 95-96].

Через какое-то время новгородцам прекратили платить дань и сбросили это ярмо, но, как писал французский историк, свобода не принесла им счастья. Начались распри, насилие, преступления и убийства, которые привели к анархии. С горечью Левек замечал, что «эти республиканцы, не знавшие что такое быть свободными, решили, что они будут более счастливыми, если отдадутся на милость князей, и они позвали варягов (*Variagues-Russes*); с этого времени и по сей день страна, в большинстве своём населённая славянами, называется Россией (*Russie*)» [9, р. 96].

Далее Левек перешёл к вопросу о добровольности призвания варягов. Несмотря на свидетельства древних летописей, французский учёный не убеждён в том, что новгородцы были свободны в этой резолюции: «Весьма трудно поверить в то, что оно (решение

— В.А.) было исключительно добровольным». Рассуждая на эту тему, Левек констатировал, что логично, когда люди доверяют управление над собой своим же согражданам, чьи таланты и добродетели им хорошо известны, а не ищут себе властителей среди иностранцев. Среди возможных вариантов развития событий Левек в большей мере был склонен верить в то, что угроза, исходившая от соседних племён, была настолько большой, что новгородцам, по всей видимости, не оставалось ничего другого (поскольку самостоятельно защитить себя они были не в состоянии), как обратиться к варягам, чей военной силы они опасались ещё больше. Тем самым жители Новгорода надеялись на варяжское покровительство, способное привести в ужас угрожавших им соседей. Французский историк, используя условное наклонение, заключил, что, вероятно, новгородцы были принуждены покориться варягам, но позже российские историки, из-за национальной гордости, представили данное событие как добровольный шаг славян [9, р. 96-97].

Левек уточнил, что призвание варяжских князей на Русь случилось более чем за столетие до того момента, как Гуго Капет взошёл на французский престол. Видимо, этим он преследовал по меньшей мере три цели: дать читателю возможность синхронического восприятия событий русской и французской историй, показать неотъемлемость русской истории от европейской и указать на схожесть процессов, проходивших на русской и французской землях. В сносках у Левека можно найти и отсылку к тому, что в то же самое время при Карле Лысом (в 861 или 862 г.) Франция была опустошена норманнами, родственниками Рюрика, а такое имя носили многие их князья [9, р. 97].

Немного уйдя в сторону от повествования, Левек указал на готское происхождение имени Рюрик (*Rourik, Rorik, Rodrigue*), а также на то, что и в современной ему России жили потомки первого русского князя, и они, подобно весьма небольшому числу европейских дворян, по праву могут гордиться одним из самых древних аристократических происхождений в Европе (к примеру, род князя М.М. Щербатова, с которым Левек долго общался во время своего пребывания в России, и у которого многое почерпнул для написания «Истории России»).

Историк уделил особое внимание тому факту, что ни один из приглашённых братьев не занял Новгород, а разделившись, они поселились на основных рубежах республики. Старая Ладога (*Vieux-Ladoga*) — резиденция Рюрика в устье Волхова, на Ладожском озере — стала барьером на пути племён, населявших берега Балтийского моря, которые угрожали Новгородскому княжеству атаками по реке [9, р. 98].

Левек полагал, что обычные для Новгорода волнения, а также привычка и стремление новгородцев к анархии «не позволили им попробовать на вкус сладость безмятежности под присмотром покровителей, которых они пригласили». Также французский историк считал не менее правдоподобным то, что Рюрик, обладая огромной властью, вскоре покинул приграничный район и «обратил в рабство тех, кто ждал от него защиты их свободы». Ссылаясь на лето-

писи, историк сообщает, что новгородцы во главе с Вадимом, уставшие от правления и протектората Рюрика, восстали против него. Но храбрость этого новгородца только ускорила его смерть, не вернув горожанам свободы. Они были побеждены Рюриком, а Вадим убит его рукой. Он уничтожил также всех тех, кто разделял идеи Вадима или мог сопротивляться. «Обагровлённый их кровью он позволил остальным жить» [9, р. 99-100].

Леклерк несколько иначе интерпретировал события середины IX в. на территории Северо-Западной Руси. В главе «Форма управления у новгородских славян в IX веке и княжение Рюрика» он сетовал, подобно Левеку, на то, что история Руси до IX в. ему не известна и погребена под толщей времён, и можно только догадываться о многих аспектах истории Новгородской земли. Однако он указал на то, что в народной памяти остались традиции, обычаи и форма государственного устройства древнего Новгорода. Город и земля вокруг него, по мнению Леклерка, представляли из себя республику. А форма управления одновременно была и аристократической, и демократической.

Таким образом, французский историк полагал, что власть у новгородских славян существовала и до призвания варягов. К моменту призвания варягов главой новгородской исполнительной власти был консул Гостомысл, «обладавший большой осторожностью». Именно он предложил горожанам пригласить из Ингрии (историческая территория Северо-Запада России) варяжских князей для того, чтобы они успокоили народные волнения в Новгороде, принудили к миру соседних врагов и были судьями в новгородских делах (думается, что Леклерк указывал не столько на самих князей, сколько на имевшееся в распоряжении их войско — В.А.).

Единственным и самым важным доказательством того, что новгородцы были свободными, французский историк видел в том, что приглашение варягов было «добровольным выбором» (*le choix volontaire*). Рассуждая об этом, Леклерк задавался справедливым вопросом, как возможно, чтобы свободные люди добровольно отдали свою независимость и пригласили инородцев править ими. Он нашёл ответ в том, что состояние дел в городе было сходным с кровавой анархией, где жители находились в перманентном конфликте между собой, и, кроме того, соседние народы постоянно досаждали им. В этой ситуации у новгородцев был только один выход — прибегнуть к внешней силе и принять эту «грозную помощь».

Новгородские послы были благосклонно приняты варяжскими князьями в Ингрии. «Стремление к власти повсюду было Царицей страстей; отказывались ли кто-нибудь за всю историю от могущества и власти?», — многозначительно вопрошает французский историк, ещё раз демонстрируя историософский характер своей работы.

Французский исследователь, заканчивая свою мысль, приходит к выводу, что призвание варягов свидетельствует о том, что славяне были свободными и приглашение Рюрика — решение добровольное и единственно верное в сложившихся обстоятельствах.

Как отмечал Д.Н.Шанский, Левек в своём описании Древней Руси показывал, что она не отставала от европейских государств, а шла своим оригинальным путём развития без особого влияния извне [2, с. 32]. Страх и усталость от междоусобиц были у новгородцев много сильнее нежели боязнь войск недавнего врага. Кроме того, французский историк полагал, что отказ на время от свободы может считаться высшим проявлением патриотизма и независимости. Чтобы пойти на подобный шаг, от горожан требовались «согласие, гражданское сознание, просвещённость и мудрость» [10, р. 93-94].

В вопросе о взаимоотношениях новгородцев с приглашёнными князьями Леклерк, соглашаясь с Левеком, отдал должное прозорливости горожан и отметил то, что они были далеки от того, чтобы отдавать абсолютную власть варягам. Они оставили себе также возможность денонсировать договор и отказаться от «услуг» Рюрика и его братьев, если те не будут оказывать существенную помощь в тех делах, ради которых их и позвали. Французский историк рассматривал сложившуюся ситуацию как взаимоотношения кредитора (новгородцы) и подрядчика (князья). Далее, перейдя от описания событий середины IX в. к их оценке, Леклерк охарактеризовал действия новгородцев как «Превосходную политику» (*Politique excellente!*). Он отметил отдельно, что жители Новгорода, избрав себе вождей (*Chefs*), обезопасили себя от безграничной власти варяжских князей тем, что расселили их на границах государства и заставили тем самым охранять как свою власть, так и покой граждан республики от вторжений внешних врагов: «Личный интерес сделал их заинтересованными в успехе общего дела». Именно в соответствии республиканских и княжеских стремлений Леклерк видел успех подобной модели государственного управления. Французский историк указал на тождественность целей и мотивов новгородцев в призвании внешних защитников с правами и обязанностями Рюрика и его братьев [10, р. 94-95].

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 9.
2. Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М., 1991. С. 31-32, 37-38.
3. Deguignes J. Histoire générale des huns, des turcs, des mogols et des autres tartares occidentaux... Paris, 1756. T. 1. Partie. 1. P. XVII.
4. De Boulainvilliers H. Histoire de l'ancien gouvernement de la France avec XIV lettres historiques sur les Parlements ou États-Généraux. T. 1-3. La Haye & Amsterdam, 1727.
5. Dubos J.-B. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T. 1-3. Amsterdam, 1734-1735.
6. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. С. 131-133.
7. Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. СПб, 1870. Т. 1. С. 360.
8. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des Chroniques originales, de pieces authentiques, et des meilleurs Historiens de la nation. Paris, 1782. T. 1. P. 77.
9. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, et des principales nations de l'Empire russe. T. 1. Paris, 1812.
10. Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. T. 1. Paris, 1783.

References

1. Alpatov M.A. Russkaia istoricheskaia mysl' i Zapadnaia Evropa (XVIII — pervaiia polovina XIX v.) [Russian historical thought and Western Europe (18th - the first half of the 19th century)]. Moscow, 1985, p. 9.
2. Shanskii D.N. Frantsuzskaia istoriografiia feodal'noi Rossii [French historiography of feudal Russia]. Moscow, 1991, pp. 31-32, 37-38.
3. Deguignes J. Histoire générale des huns, des turcs, des mogols et des autres tartares occidentaux... Paris, 1756, vol. 1, partie 1, p. XVII.
4. De Boulainvilliers H. Histoire de l'ancien gouvernement de la France avec XIV lettres historiques sur les Parlements ou États-Généraux. Vols. 1-3. La Haye & Amsterdam, 1727.
5. Dubos J.-B. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Vols. 1-3. Amsterdam, 1734-1735.
6. Meineke F. Voznikovenie istorizma [The emergence of historicism]. Moscow, 2004, pp. 131-133.
7. Pekarskii P.P. Istoriia Akademii nauk v Peterburge [The history of the Academy of Sciences in St. Petersburg]. Saint-Petersburg, 1870, vol. 1, p. 360.
8. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des Chroniques originales, de pieces authentiques, et des meilleurs Historiens de la nation. Paris, 1782, vol. 1, p. 77.
9. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, et des principales nations de l'Empire russe. Vol. 1. Paris, 1812.
10. Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Vol. 1. Paris, 1783.